

От цветка до звезды

Галина Куинеровская,
заслуженный деятель искусств Башкирии

Когда вспоминаешь творчество Касыма Девлеткильдеева, первого национального художника Башкирии, встают строки древнего эпоса “Кузый Курпэс”, обращенные к певцам-курайчам, вторящим своему героическому сказу на тростниковой флейте – курае: “Вы взойдите на высокий холм и там сядьте под зеленый дуб. Вы поведайте нам истину, от начала и до сих времен”.

Касым Девлеткильдеев начал свой творческий путь с первых лет становления башкирского искусства. Его работы находятся в художественном музее в Уфе, в одном зале с полотнами Нестерова, воспевшего красоту отчего края – Башкирии. Это соседство, это воссоединение имен достойно и справедливо.

Небольшие его акварели, выполненные перед лицом жизни, содержат глубокие обобщения. Их лад, пластический строй гармоничен и ясен. Краски прозрачны и легки – голубой, золотистый, зеленый, они переливаются, перетекают, образуя живые созвучия. Это цвета дальних гор, степи под весенним ветром, неба, омытого грозой. В них, в этих акварельных листах, – очарование таланта художника, который умел все сказать и все возвысить, и самый, казалось бы, обыденный мотив претворить в поэтическую мысль.

Он исходил, изъездил всю Башкирию. В далеких селениях, на старых заводах Урала находил своих героев, свои темы. Образы, созданные им, и конкретны, и многозначны, в них точность знания и “голос вечности”.

“Девушка-башкирка в голубом” – сама чистота и нежность. Она глядит доверчиво и серьезно. Большие темные глаза на тонко очерченном лице устремлены вдаль, будто девочка-подросток прислушивается к чему-то, будто

К. Девлеткильдеев
Девушка-башкирка
в голубом
1928, бум., акварель

это мгновение сейчас прервется, и она готова вскочить и умчаться, и скрытое движение души наполняет образ застенчивой, угловатой девочки энергией пружины, пластикой туго сжатой почки перед свершением порыва. Внутренний мир ее для художника полон значения.

И в портрете башкира Ибрагима тема жизни решена как тема достоинства. Плавными линиями, тонкими касаниями штриха прорисованы чуть поднятые с вопросом брови, взгляд острый, живой, сверкнувший изпод прищуренных век. Путь испытаний и бед выковал этот лик. Создавая портрет, художник словно видел перед собой тернистые пути мечтателей и провидцев, гонимых, но не сломленных. И воплотил свою веру в нравственную силу народа.

Равно и в других листах – “Башкир-охотник”, “Крыльцо башкирской избы”, “Цветы раз-

ные” – живет взгляд художника, который ищет и находит красоту народной мудрости в благородстве и достоинстве человека – путь самого простого для поверхностного суждения. Во всем, что непринужденно и свободно оживает в его акварелях, чему даровал художник новую сущность, в предметах не быта – бытия! – кувшине медном на ступенях крыльца, в паласе, пламенеющем цветом зари, ключом бьет та же сила творящей и преображающей любви.

Мир был для него един, от цветка до звезды. Ему было дано услышать и воплотить, произнести глубинную правду о духовных устоях, о началах и корнях, слагающих первооснову мирозерцания народа и человека – что есть добро и красота, истина и любовь, справедливость и свобода.

Касым Девлеткильдеев жил, как творил, – ни одной фальшивой ноты. Рожденный в обедневшей дворянской семье, он был другом Габдуллы Тукая и Мажита Гафури, посвятивших ему стихи. Без средств поехал в Петербург, закончил Художественно-промышленное училище (бывш. Штиглица). В Академию художеств прошел по конкурсу, но вынужден был вернуться в Уфу – по слабости здоровья. Преподавал, его любили ученики. Был одинок, тяжело, трудно жил. Интеллигент до мозга костей. Весь – на грани острия. Любил цветы и писал их в последние годы.

Он проходил по улицам Уфы – высокий, чуть согбенный, с этюдником через плечо, с полевыми цветами в руке. Дон Кихот – говорили о нем.

Он завещал свой путь – на вершину вечнозеленого холма, где певцы-сэсэнэ внимают глаголам неба и земли.